

ПОЕТИКА. ІСТОРИЧНА ПОЕТИКА

doi.org/10.31861/pytlit2019.100.007

УДК 821.161.1-3Шук.09

ПОЭЗИЯ БЕСКОНВОЯ. ШУКШИН И ТРАДИЦИЯ АНАРХИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

Леонид Геллер

orcid.org/0000-0002-6996-7266

hellerleonid5@gmail.com

Доктор филологических наук, почетный профессор

Лозаннский университет

CH-1015 Lausanne, Switzerland

Аннотация. Представлен культурно-исторический контекст, в котором развивалась особая традиция „анархической” художественной литературы (мы отличаем ее от теоретико-публицистической „анархистской” литературы); в данный контекст вписывается роман Василия Шукшина „Я пришел дать вам волю” и некоторые его рассказы. Обрисовывая роль анархизма как одного из важных факторов политического и культурного брожения на рубеже XIX и XX веков, подчеркивается, насколько сильно с анархистским восприятием мира и общества связан авангард, как на Западе, так и в России. Среди специфических черт российского контекста выделяется развитие культовой репрезентации Разина как воплощения духа революционной анархии. От поэзии и прозы Хлебникова, Василия Каменского, Александра Ширяевца (1910 – начало 1920 годов) до романов Алексея Чапыгина (1927), Степана Злобина (1951), Василия Шукшина (1971) протягивается линия, наличие которой в советских, а особенно сталинских условиях, представляет само собой интересную проблему для историка русской литературы. В заключительной части статьи дается беглый анализ романа и нескольких коротких текстов Шукшина

---

¹ Статья является переработанной версией доклада, который был зачитан в Барнауле, в Алтайском университете, летом 1999 года. Доклад никогда не печатался. Надеюсь, он не целиком утратил свою актуальность.

с представленной выше точки зрения. Как оказывается, наряду с фигурой Разина, шукшинское творчество с „анархической литературой” сближают и герои-„чудики”, защищающие свою личную свободу, и такие темы, как борьба против времени (тема Хлебникова, Платонова и др.).

Ключевые слова: Василий Шукшин, анархическая литература, поэтика анархизма, Степан Разин и анархизм, Степан Разин и литература, русский роман, советская литература.

1

Разговор здесь пойдет не столько о Шукшине, сколько об историческом контексте, который позволяет, как кажется, по-новому повернуть не очень новый разговор о воле и разинских мотивах в шукшинском творчестве.

Просмотренные нами критические работы минуют интересующую нас тематику. Воспользуемся случаем, чтобы поблагодарить авторов и издателей академического словаря-справочника, посвященного творчеству писателя (*Творчество В. М. Шукшина* 1997). Эта работа представляется нам образцовой. Мы во многом от нее отталкиваемся. И выбор темы статьи был обусловлен именно тем, что в ней не обнаружилось прямых ссылок ни на эту тему, ни на авторов, которые для нее характерны. Нет в словаре статей „анархия” и „утопия”. Между тем, бунтарская, разинская, „свободническая” тема тесно сопряжена с этими понятиями.

Мы условно говорим о литературе „анархической”, чтобы отличить ее от того, что принято называть литературой *анархистской*, то есть от научных, экономических, политических, агитационных статей, брошюр, трудов, написанных представителями анархистского движения. К слову сказать, определением „анархический” часто пользовались сами анархисты. Речь пойдет о литературе художественной. Забегая вперед, назовем двоих писателей, которых, на наш взгляд, необходимо включить в „свободническую” перспективу. Первый – Хлебников, ставивший Разина наравне с Лобачевским в ряд открывателей новых миров.

Второй – Платонов, автор не только „Чевенгура”, но и рассказа „Иван Жох”, где на материале казачье-мужицкого, почти разинского восстания в эпоху Екатерины дана вся трагически неразрешимая антиномия бунта, революции и утопии.

Без промедления излагаем наши посылки и предложения.

На протяжении нескольких десятков лет в культуре русского модернизма деятельным, но впоследствии почти полностью замолчанным фактором был фактор *анархический*. Его значение обуславливалось огромной исторической ролью анархизма в подготовке условий для революций XX века и, в первую очередь, для русских революций 1905 и 1917 годов.

В литературе, пластических искусствах, музыке, философии оформились явления, более или менее непосредственно зависящие от воздействия анархистских учений и утопий. Эта „анархическая слагающая” модернизма оказалась во многих отношениях очень плодотворной. Имеет смысл говорить о появлении „анархической” традиции в русской и советской литературе.

Литературный соцреализм долго сохранял остатки этой традиции, прежде всего в историко-революционных жанрах и преимущественно, хотя и не исключительно, в виде резерва отрицательно отмеченных персонажей и символических пространств. Обращаясь к теме Разина и превратив размышления о свободе и о бунте во имя свободы в один из структурообразующих механизмов всего своего творчества, Шукшин вошел в эту традицию, оживил ее и сделал шаг – неважно, сознательно ли, – к ее переоценке.

„Анархическая слагающая модернизма” изучена очень мало (см. (Геллер 1998b; Геллер 2006)). Связи ее с предыдущим литературным периодом известны плохо. Существуют отдельные работы об отдельных явлениях, группах и авторах, но в широком масштабе вопрос, насколько нам известно, не ставился. Наметим его контуры самыми упрощенными штрихами, используя наши предыдущие статьи на эту тему: каждый такой повтор позволяет добавить новые детали и помогает выстраивать общую концепцию.

Анархизм оставил глубокий след на всей истории революционного радикализма. Идеи Фурье, Прудона, Штирнера, Ницше прекрасно привились на русской почве. Необычайно весомым оказался русский вклад в анархистскую традицию. Влияние Бакунина, Кропоткина, Льва Мечникова, Льва Толстого было огромным. Явно анархистский уклон чувствуется и у Герцена, и у главных нигилистов 1860-х годов, начиная с Чернышевского и Писарева, и кончая Варфоломеем Зайцевым и Николаем Соколовым, авторами нашумевшей книги „Отщепенцы” (1866). Анархизм долгое время считался, как на Западе, так и в России, самым опасным врагом существующего строя. Знаменательно, что первой настоящей антиутопией русского XX века стала книга А. Морского под названием „Анархисты будущего” (1907), написанная в состоянии шока после революции 1905 года и анархистских терактов в Вильне, Белостоке, Киеве (где действовали анархисты-„безмотивники”).

Опасения имели под собой реальную основу. Уже убийство Александра II было воспринято современниками как триумф анархистов. Русский нигилизм наблюдатели отождествили с анархизмом, особенно после успеха на Западе книги Степняка-Кравчинского („Подпольная Россия”, 1893). Западные писатели стали одевать русских в анархистские одежды: Оскар Уайльд („Вера, или Нигилисты”, 1883), Альфонс Доде („Тартарен в Альпах”, 1885), Гилберт К. Честертон („Человек, который был Четвергом”, 1908), Джозеф Конрад („Глазами Запада”, 1911).

Но на Западе были свои нигилисты и анархисты. Запад потрясли следовавшие одно за другим покушения: анархист Казерио убил президента Франции Карно (1894), анархист Луккени Елизавету Австрийскую (1898), анархист Бреши – короля Италии Умберто I (1900), анархист Чолгош – президента США МакКинли (1910). Запад был знаком с бомбами Равашоля, Вайяна, Эмиля Анри, он читал в газетах о подвигах банды Бонно и Мариуса Жакоба, с которого Морис Леблан списал своего получившего мировую славу джентльмена-грабителя Арсена Люпена.

Вот облик нигилиста, набросанный в „Подпольной России”:

Гордый, как Сатана, возмущившийся против своего Бога <...> это представитель гордой, непреклонной личной воли. Он борется не только за угнетенный народ, не только за общество, задыхающееся в атмосфере рабства, но и за себя самого <...> Он поклялся быть свободным и будет свободен во что бы то ни стало. Ни перед каким кумиром не преклонит он колена <...> И если народ, в своем заблуждении, скажет ему: „будь рабом!“ он с негодованием воскликнет, „никогда!“ и пойдет своей дорогой (Степняк 1893: с. 25–26).

Это, конечно, и горьковский буреветник, вскормленный варевом из Ницше и Штирнера. Для нас это описание интересно потому, что оно очень подходит к шукшинскому Разину.

Романтический ореол террористов-борцов за свободу привлекал тех, кто боролся за новое в искусстве, разрушая старые догмы. Кумирами стали Ибсен и Ницше. Анархизмом увлеклись символисты и декаденты. Вот отнюдь не полный список сотрудников французских анархистских журналов: Анри де Ренье, Стефан Малларме, Поль Валери, Эмиль Верхарн, Феликс Фенеон, Сен-Поль Ру, Тристан Бернар, Октав Мирбо – цвет литературы того времени. Реми де Гурмон, один из лидеров французского символизма, заявлял прямо: „Символизм буквально переводится словом *свобода*, а для неистовых – словом *анархия*”².

В Англии к анархизму склонялся законодатель стиля «модерн», автор знаменитой утопии „Вести ниоткуда” (1890) Уильям Моррис. В Италии – Маринетти и его друзья-футуристы (до того, как они перекинулись к фашистам). В Германии – ранние экспрессионисты драматург Стриндберг, художник Мунх, архитектор Шеербарт, – члены кружка, душой которого был „король берлинской богемы” и лидер „Молодой Польши”, Станислав Пшибышевский. Именно Пшибышевский восславил вечный прототип всех „отщепенцев”, отверженных, преступающих законы, сомневающихся: „Сатана был первый философ и первый

---

² Rémy de Gourmont, «Le Symbolisme», in: *La Revue Blanche*, n°9, juin 1892; цит. по: (Maricourt 1990: с. 82).

анархист” (Przybyszewski 1897: с. 48)³. От Пшибышевского идет если не течение мистического анархизма, то принцип объединения понятий мистики и анархизма. Г. Чулков и Вяч. Иванов обратились к источникам, питавшим Пшибышевского: к Ницше и Достоевскому, который получил титул „провозвестника мистического анархизма”. Спор вокруг этих идей явился одним из главных эпизодов в истории русского символизма (см. (Rosenthal 1977a; Rosenthal 1977b; Лавров 1995) и др.).

Все это имеет отношение к теме. Разин у Шукшина соответствует народному образу святого воина и противоречит ему, совершая бессмысленно жестокие поступки. Эти эпизоды обычно толкуются как знак сложности характера; психологические объяснения такого воплощения легендарного образа вполне законны. Однако можно их дополнить. Если взглянуть с точки зрения Степняка и Пшибышевского, противоречие снимается. В таком свете органически вливаются в модель ницшеанского богоборца-анархиста и „достоевщина” Разина и его „сатанизм” – „его прямо бес в спину толкал”, говорит повествователь, а сам Разин жалуется: „Одолел меня дьявол <...>. Одолел, гад: рукой моей водит” (Шукшин 1984: с. 77, 326).

Вернемся к нашему историческому контексту.

„Мистический анархизм” – отнюдь не единственный всплеск анархии в литературе. Фигура богоборца-анархиста очень распространена, она кочует от раннего Горького до Леонида Андреева, Замятина и многих других. Сологуб изложил в „Творимой легенде” и некоторых рассказах свою собственную, очень штирнеровскую по духу анархистскую утопию. Прямая связь с Европой и ее течениями и собственная традиция создали в России атмосферу жгучего и постоянного интереса к анархизму, основу той „анархической слагающей”, о которой идет речь.

Анархизм окрасил декларации футуристов. Друг Северянина Игнатъев объявил, что „эго-футуризм” есть не что иное, как „эговый анархизм” (Игнатъев 1967: с. 30, 59). Нам особенно интересен Хлебников, проделавший разинский маршрут в Астрахань и Персию

---

³ Замечу, что „сатанизм” Пшибышевского и его гностический мистицизм идут от бодлеровской традиции, которую он помогал прививать в России.

и говоривший о себе: „Я Разин со знаменем Лобачевского”, автор поэм „Разин” и „Уструг Разина” (1920–1922). Уже в 1914 г. в письме Василию Каменскому он восклицал: „Вообще не пора ли нам броситься на уструги Разина? Все готово. Мы образуем Правительство Председателей Земного Шара” (Хлебников 1972: с. 303).

3

В 1917-м году, составляя вместе с Петниковым „Воззвание Председателей Земного Шара”, Хлебников восклицает однозначно:

Мы говорим, что не признаем господ, именующих себя государствами, правительствами, отечествами и прочими торговыми домами. <...> Мы – особый вид оружия. <...> Тяжелой очередной перчаткой пусть будут эти три слова: Правительство Земного Шара. Чье черное знамя безволода поднято рукой человека и уже подхвачено рукой вселенной. Кто вырвет эти черные солнца? Краски зноя черных солнц? (Хлебников 1972: с. 162–164).

Под несомненным влиянием своего друга Василий Каменский пишет большой роман „Стенька Разин” (1915), который, как кажется, мало учитывается при анализе шукшинского романа. Разин становится культовой фигурой. Не только футуризм, вся эпоха, овеянная „свободническим” духом, исповедует культ Разина, одновременное воплощение и хорошего, и страшного, в прошлом и будущем. О нем поставлен первый игровой русский фильм, „Стенька Разин” Дранкова (1908); Василий Суриков создает монументальное полотно „Степан Разин” (1908), может быть, предостерегая перед грядущим бунтом; о нем пишет стихи ново-крестьянский поэт Александр Ширяевец („Стенька Разин” [1915], „Разин и княжна” [1918]). И если не удивляет, что советский исторический жанр воистину рождается в эпопее Чапыгина „Разин Степан” (1925), то изданная в разгар ждановщины книга Степана Злобина „Степан Разин” (1951) кажется чуть ли вызовом, брошенным системе. Именно эту традицию продолжает, заново пересматривая, Шукшин своим романом „Я пришел дать вам волю” (1971).

Еще несколько слов об истории. Когда произошел октябрьский переворот 1917 года, в западной печати появились сообщения о том, что власть в России захватили анархисты. Ту же ошибку совершил и Горький, писавший, что Ленин и вожди в Кремле, „слепые фанатики и бессовестные авантюристы <...>, выразители зоологического анархизма <...> проводят в жизнь нищенские идеи Прудона, но не Маркса, развивают Пугачевщину, а не социализм...”⁴

По авторитетному свидетельству Виктора Сержа-Кибальчича, бывшего видного деятеля анархистского движения во Франции, ставшего попутчиком большевистской революции, а потом ее отщепенцем, после революции движение (анархистов) развивалось с невиданным размахом; никакая власть не оказывала ему сопротивления; они бесконтрольно реквизировали квартиры; партия большевиков вела с ними переговоры как с равными; в Москве у них была большая газета, „Анархия”. Орган анархистов-синдикалистов в Петрограде, „Голос труда”, по влиянию иногда соперничал с ленинской „Правдой” (Serge 1965: с. 28).

Давид Бурлюк, говоря о сезоне 1917–1918 года и преувеличивая по привычке, рассказывает: „... Новая власть вела борьбу с укрепившимися в 1000 домов (в одной Москве) анархистами...” (Бурлюк 1994: с. 16–17).

Знаменитые в свое время братья Гордины, состоявшие в Москве в совете Дома Анархии, одновременно издавали в Петрограде газету „Буревестник”, а в Москве – газету „Анархия”. Виднейшие представители футуристского и пролеткультовского авангарда – Казимир Малевич, Владимир Татлин, Александр Родченко, Ольга Розанова, Надежда Удальцова, Алексей Гастев, Алексей Ган – в начале 1918 года сотрудничали в газете „Анархия”, вплоть до ее закрытия и до разгрома анархистов.

Малевич прямо провозглашал 30 мая 1918-го:

Мы раскрываем новые страницы искусства в новых зорях анархии <...> Знамя анархии – знамя нашего „я” и дух наш, как ветер

---

⁴ М. Горький, „Несвоевременные мысли”, *Новая жизнь*, № 194, 6 (19) декабря 1917; см. его кн. (Горький 1971: с. 121).

свободный, заколышет наше творческое в просторах души (Малевич 1995: с. 66).

Авангард был связан с анархистскими публикациями: футуристы – с гординской газетой, имажинисты – с журналом „Жизнь и Творчество Русской Молодежи”, и, наоборот, анархисты (точнее, бывшие анархисты: Родченко, Ган, Гроссман-Рощин) участвовали в таких журналах, как „ЛЕФ”. Нам приходилось об этом писать (напр., (Heller 1996)). Ограничимся констатацией наличия таких связей. Не случайно популярное стихотворение Ильи Сельвинского „Наша биография” (1926) рассказывало о поколении, которое было захвачено вихрем революции, откликаясь на ее зов, откуда бы он ни доносился: „Мы шли за Лениным, Керенским, Махно”.

Призраки анархизма будоражат всю советскую литературу. Надев флотскую форму, анархист превратился в моряка из Кронштадта, провозвестника пролетарской революции и борца за нее на всех фронтах. Дмитрий Фурманов, который сам был в начале анархистом, описал в своей дневниковой книге „Путь к большевизму” (1926) диалектику хаоса и космоса, анархизма и большевизма. По его словам, он проделал путь от темного революционного чувства к ясному революционному разуму (Лелевич 1927: с. 8). Путь показан в знаменитом „Чапаеве”, который советская культура канонизировала в романной и кинематографической ипостасях, превратив в свой парадигматический текст.

Анархистской теме отдала дань поэзия, от Есенина в „Стране негодяев” и Багрицкого в „Думе про Опанаса”, до того же Сельвинского в „Улялаевщине”. Для прозы же этого поколения писателей тема превратилась в одну из главных: герои-анархисты, эпизоды с участием анархистов встречаются у Бориса Пильняка, Всеволода Иванова, Исаака Бабеля, Артема Веселого, Бориса Лавренева. Особое место в этом списке займет Андрей Платонов⁵.

Тут не просто тема, эпизоды, персонажи: в советской литературе того времени складывается „анархическая поэтика”.

---

⁵ Об анархизме у Платонова см. (Вьюгин 1995; Геллер 1998а).

В культурной парадигме – каковой, несомненно, был модернизм со своим ублюдочным изводом, соцреализмом, – выделяются три взаимосвязанные уровня. Первый это уровень эстетических и мировоззренческих представлений. На втором, институциональном, осуществляются создание, распространение, восприятие культурных объектов, их дифференциация и иерархизация, возникают группировки и течения. Третий уровень – это текстовые или объектные реализации, поэтические/художественные структуры и мотивы, синтезирующие отношения внутри всей парадигмы. Все, что было сказано выше, сводится к тезису о том, что „анархическая слагающая” дает о себе знать на всех уровнях парадигмы модернизма, и на его раннем, и на позднем этапе.

4

Сквозь все этапы красной нитью проходит разинская тематика, связывая их воедино. Причем она отнюдь не замыкается на фигуре Разина.

По отношению к Шукшину верно об этом сказано в словаре-справочнике:

Р[азин] – средоточие художественного мира Ш[укшина]., так как многие герои несут в себе „разинское начало” – трагическое своеволие бунта, обостренную совесть, стихийно-творческую устремленность. Это нарушители норм, преступники, бунтари. юродивые, странные, „непутевые люди” (*Творчество В. М. Шукшина* 1997: с. 105).

Герой романа Шукшина выступает против всякой попытки ограничить его волю, будь то власть казачьей верхушки, „жильца”-посланника Москвы или попа (Шукшин 1984: с. 195). Главные же воплощения власти – бумага и ГОСУДАРСТВО:

Черной тенью во все небо напозала всеобщая беда. Что это за сила такая, могучая, злая, мужики и сами тоже не могли понять <...> Но не они [бояре] та сила. Та сила, которую мужики не могли осознать и назвать словом, называлась – ГОСУДАРСТВО (Шукшин 1984: с. 158).

После занятия Астрахани Разин с товарищами вершит суд над властями города и празднует будущую утопию:

На площадь перед приказной палатой сносили всякого рода „дела”, списки, выписи, грамоты... Еще один суд – над бумагами. <...> Костер празднично запылал; и мерещилось в этом веселом огне – конец всякому бессовестному житью <...>, и – начало жизни иной, праведной и доброй <...> (Шукшин 1984: с. 289).

Не надо забывать, где и в какое время написан роман Шукшина. Многие его страницы (как и у Степана Злобина) звучат обвинением режиму, который государство и государственную, приказную, судебную бумагу превратил в предмет безусловного поклонения. И чуть ли не провокационно в этом контексте звучат страницы, посвященные тому, что повествователь Шукшина довольно неожиданно определяет как самую важную черту Разина: его независимую мысль:

Совершенная внутренняя свобода Разина, постоянная работа ума, беспокойная натура – силы, которые сшибали его с мыслями трудными, неразрешимыми. То он не понимал, почему царь – царь, то злился и негодовал: как это – люди могут быть подневольными, но при этом – живут, смеются, рожают детей <...> То он вдруг перестал понимать смерть <...> (Шукшин 1984: с. 260).

Сделаем небольшое отступление. Первой литературной утопией в России после революции – сведений о более ранних у меня нет – была увидевшая свет в 1917 году „сказка” „Почему, или Как мужик попал в страну анархии” „Бр. Гордина” (то есть анархистов братьев Аббы и Вольфа Гординых). „Почему” – имя мужика: он задает вопросы о самых простых и важных вещах, обо всем, что видит вокруг себя, как будет делать Почемучка Бориса Житкова и как делают взрослые герои в политико-социальных притчах, начиная со Свифта и Монтескье, а кончая платоновским „усомнившимся Макаром”. Вот отрывок:

– Царь велел тебя судить. – А кто царю велел велеть? – спрашивает Почему. – Царю никто не велит, он никого не слушается. – А почему ты его слушаешься? – Я не царь, – сказал тот господин. –

А если слушаться не будешь – станешь царем? Все молчат. Недоумевают. – Молчишь, – сказал с задором Почему, – вот я и знал, – кто никого не слушается, тот сам себе царь (Гордин 1917: с. 29).

Такая игра составляет основу всего текста.

Шукшинский Разин ищет разгадки давно всем понятных вопросов, и в этом очень похож на мужика Гординых. И не похожи ли „чудики” из рассказов Шукшина на того же мужика Почему, пустившегося на поиски утопической страны Анархии?

Противопоставление народной мысли, смекалки, и бумажной интеллигентности, ума и образования, – эта тема в русской традиции восходит и к фольклору, и к Бакунину, и к Николаю Федорову, который видел в оппозиции ученых и неученых главное общественное зло, и к Вацлаву Махайскому, который считался авторитетом среди анархистов, хотя сам анархистом не был, и который предсказал, что образованная элита будет эксплуатировать пролетариат и после победы большевиков. Анархистский отказ от общепринятой логики и попытка создать правила нового мышления (Гордины строят неаристотелеву логику, где отсутствует правило исключенного третьего) сочетается с этой позицией. В литературе самую острую формулировку эта проблематика нашла под пером Платонова, где „умные” вожди сталкиваются с „дураками”. Усомнившийся Макар отправляется в Москву за настоящими ответами как очередное воплощение Почему Гординых. И нам кажется, что в послесталинское время острее всего ту же тему выразил Шукшин, и прежде всего в знаменитом рассказе „Срезал” (1970).

Очень простыми средствами Шукшин создает парадоксальную ситуацию: сельский „мудрец”, задавая абсурдные вопросы, побеждает в споре умных интеллигентов из города. Можно толковать рассказ по-разному; для нашей темы имеет смысл его читать, и это, наверное, не будет передержкой, как выражение бессознательного бунта – и героя рассказа, и, пожалуй, самого автора – не столько против „общепринятого” знания, сколько против зависимости от него, против нового закабаления людей с его помощью, – точно по Махайскому.

Во многих вещах Шукшина подчеркивается свобода ума героев, их постоянные поиски собственных решений. Таков Разин. Таков Алеша Бесконвойный, герой одноименного рассказа (1973). Кроме всего того, что открыли в нем критики, рассказ говорит не просто о бунте за волю, но прежде всего – о восстании за свободу своей воли, в значении „желания”; это чуть ли не штирнеровская позиция. Мистический подтекст рассказа, разумеется, – концепты чистоты и очищения; но дополнительно, а может быть, и прежде всего, речь идет и о борьбе за овладение временем, за победу над „обычным”, общепринятым временем. Своя воля – это освобождение от власти времени, от ига повседневных циклов, – это тема Хлебникова, Гординых, Платонова, – это анархистская тема.

Остановлюсь на этом. Мы не утверждаем, что Шукшин – идейный анархист, проводящий в своих произведениях анархистскую идеологию. Мы говорим о другом: в поисках своего видения мира писатель находит – сознательно или нет, неважно, с точки зрения историка литературы – и подсоединяется к идейному наследию и к литературной традиции, которые наподобие града Китежа ушли под воду в советское время.

Бурлюк, Д. (1994). *Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения*. Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 384 с.

Вьюгин, В. (1995). Платонов и анархизм. (К постановке проблемы). In: *„Страна философов” Андрея Платонова: проблемы творчества*. Ред. Н. Корниенко. Москва : Наследие, вып. 2, с. 101–113.

Геллер, Л. (1998a). Свистун, Вития и Протоген, или песня для всех угнетенных. Анархия в мире Андрея Платонова. In: *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Hrsg. von R. Hodel, J. P. Locher. Bern : Peter Lang, с. 133–148.

Геллер, Л. (1998b). Существует ли поэтика безвластия? Об анархической слагающей русского модернизма. In: *Schweizerische Beiträge zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau*. Hrsg. J. P. Locher. Bern : Peter Lang, с. 197–212.

Геллер, Л. (2006). Смутный миф, забытый фактор в культуре XX века: анархия. In: *Тыняновский сборник. 10-11-12 Тыняновские чтения*. Ред. М. Чудакова, Е. Тоддес, Ю. Цивьян. Москва : Водолей, с. 437–451.

- Гордин, Бр. (1917). *Почему? или Как мужик попал в страну анархии*. Москва : Моск. федерация анархист. групп, 63 с.
- Горький, М. (1971). *Несвоевременные мысли*. Paris : Eds de la Seine, 304 с.
- Игнатъев, И. (1967). Эго-футуризм. In: *Манифесты и программы русских футуристов*. Сост. В. Марков. München : Wilhelm Fink Verlag, с. 51–70.
- Лавров, А. (1995). Андрей Белый в 1900-е годы. Москва : НЛО, 335 с.
- Лелевич, Л. (1927). Извилистая дорога. In: Фурманов, Д. *Путь к большевизму*. Ленинград : Прибой, с. 7–34.
- Малевич, К. (1995). *Собрание сочинений*. В 5 томах. Москва : Гилея, т. 1, 394 с.
- Степняк, С. (1893). *Подпольная Россия (Underground Russia)*. Лондон : Изд-во Фонда Русской Вольной Прессы, 189 с.
- Творчество В. М. Шукшина. Опыт энциклопедического словаря-справочника* (1997). Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 194 с.
- Хлебников, В. (1972). *Собрание сочинений*. В 4 томах. München : Wilhelm Fink Verlag, т. 3, 539 с.
- Шукшин, В. (1984). *Я пришел дать вам волю*. Москва : Советская Россия, 397 с.
- Heller, L. (1996). Voyage au Pays de l'Anarchie. Un itinéraire: l'utopie. *Cahiers du monde russe*, XXXVII, p. 249–275. <https://doi.org/10.3406/cmr.1996.2460>
- Maricourt, T. (1990). *Histoire de la littérature libertaire en France*. Paris : Albin Michel, 491 p.
- Przybyszewski, S. (1897). *Auf den Wegen der Seele*. Berlin : Kritik-Verl., 61 S.
- Rosenthal, B. G. (1977a). The Transmutation of the Symbolist Ethos: Mystical Anarchism and the Revolution of 1905. *Slavic Review*, XXXVI, 4, December, pp. 608–627. <https://doi.org/10.2307/2495266>
- Rosenthal, B. G. (1977b). Theatre as Church: The Vision of the Mystical Anarchists. *Russian History / Histoire russe*, vol. 4, no.°2, pp. 122–141. <https://doi.org/10.1163/187633177X00133>
- Serge, V. (1965 [1930]). *L'An I de la révolution russe*. Paris : Éditions de Delphes, 511 p.

ПОЕЗИЯ БЕЗКОНВОЮ. ШУКШИН І ТРАДИЦІЯ АНАРХІЧНОЇ ЛІТЕРАТУРИ

Леонід Геллер

orcid.org/0000-0002-6996-7266

hellerleonid5@gmail.com

Доктор філологічних наук, почесний професор

Лозанський університет

CH-1015 Lausanne, Switzerland

Анотація. Наведено культурно-історичний контекст, в якому розвивалася особлива традиція „анархічної” художньої літератури (ми відрізняємо її від теоретико-публіцистичної „анархістської” літератури); в даний контекст вписується роман Василя Шукшина „Я прийшов дати вам волю” і деякі його оповідання. Описуючи роль анархізму як одного з важливих факторів політичного та культурного бродіння на рубежі XIX і XX століть, підкреслюється, наскільки сильно з анархістським сприйняттям світу і суспільства пов’язаний авангард, як на Заході, так і в Росії. Серед специфічних рис російського контексту виділяється розвиток культової репрезентації Разіна як втілення духу революційної анархії. Від поезії і прози Хлебнікова, Василя Каменського, Олександра Ширяєвца (1910 – початок 1920 років) до романів Олексія Чапигіна (1927), Степана Злобіна (1951), Василя Шукшина (1971) простягається лінія, наявність якої в радянських, а особливо сталінських умовах, сама собою постає цікавою проблемою для історика російської літератури. У заключній частині статті дається побіжний аналіз роману і кількох коротких текстів Шукшина з представленої вище точки зору. Як виявляється, поряд із фігурою Разіна, шукшинську творчість з „анархічною літературою” зближують і герої-„чудики”, які захищають свою особисту свободу, і такі теми, як боротьба проти часу (тема Хлебнікова, Платонова та ін.).

Ключові слова: Василь Шукшин, анархічна література, поетика анархізму, Степан Разін і анархізм, Степан Разін і література, російський роман, радянська література.

POETICS OF BEING FREE. SHUKSHIN AND THE TRADITION OF “ANARCHIC” LITERATURE

Leonid Heller

orcid.org/0000-0002-6996-7266

hellerleonid5@gmail.com

University of Lausanne

CH-1015 Lausanne, Switzerland

Abstract. The paper describes the cultural and historical context between 19th and 20th centuries which witnesses a rise of a particular “anarchic” tradition (we take the precaution to distinguish such a creative stance from the theoretical and/or polemical “anarchist” production). Our intention is to inscribe into this context Vassily Shukshin's novel “I came to set you free” and some of his short prose. Showing the importance of the anarchist movement for the political and cultural turmoil of this era, we stress the strong connection that in Western countries as well as in Russia linked the anarchist perception of world and/or society to that of the avant-garde. The Russian situation owes its specific nature, among other factors, to the representation of Stepan Razin who epitomizes the spirit of revolutionary anarchy for the modernist artists and writers. The poetry and prose of Velimir Khlebnikov, Vassily Kamensky, Alexander Shiryayevets in the 1910s–1920s, the novels of Alexey Chapygin (1927), Stepan Zlobin (1951), Vassily Shukshin (1971) constitute a filiation, the presence whereof throughout the Soviet period is in itself a problem to tackle for a literary historian. In the last part of the paper we present a brief analysis of the Shukshin texts; we conclude that not only the Razin's figure brings his prose close to the “anarchic” tradition; the same could be said of his favorite characters, “chudiki”, extravagant searchers of freedom, as well as of such themes as fighting against the time (a frequent subject in the “anarchic” literature of Khlebnikov, Platonov etc.).

Keywords: Vassily Shukshin, anarchism in literature, poetics of anarchism, Stepan Razin and anarchism, Stepan Razin and literature, Russian novel, Soviet literature.

References

- Burliuk, D. (1994). *Fragmenty iz vospominanii futurista. Pis'ma. Stikhotvoreniia* [Some Fragments of Futurist's Reminiscences. Letters. Verses]. Saint Petersburg : Pushkinskii fond, 384 p. (in Russian).
- Viugin, V. (1995). Platonov i anarkhizm. (K postanovke problemy). In: “*Strana filosofov*” *Andreia Platonova: problemy tvorchestva* [“The Country of Philosophers” by Andrei Platonov: the Issues of Creative Activities]. Moscow : Nasledie, iss. 2, pp. 101–113. (in Russian).
- Heller, L. (1998). Svistun, Vitii i Protogen, ili pesnia dlia vseh ugnennykh. Anarkhiia v mire Andreia Platonova. In: *Sprache und Erzählhaltung bei Andrej Platonov*. Bern : Peter Lang, pp. 133–148. (in Russian).
- Heller, L. (1998). Sushchestvuet li poetika bezvlastiia? Ob anarkhicheskoi slagaiushchei russkogo modernizma. In: *Schweizerische Beiträge zum XII. Internationalen Slavistenkongress in Krakau*. Bern : Peter Lang, pp. 197–212. (in Russian).

- Heller, L. (2006). *Smutnyi mif, zabytyi faktor v kul'ture XX veka: anarkhiia*. In: *Tynianovskii sbornik. 10-11-12 Tynianovskie chteniia* [Tynyanov's Collection. 10-11-12 Tynyanov Readings]. Moscow : Vodolei, pp. 437–451. (in Russian).
- Gordin, Br. (1917). *Pochemu? ili Kak muzhik popal v stranu anarkhii* [Why? Or How the Peasant Found Himself in the Country of Anarchy]. Moscow : Mosk. federatsiia anarkhist. grupp, 63 p. (in Russian).
- Gorky, M. (1971). *Nesvoevremennye mysli* [The Untimely Thoughts]. Paris : Eds de la Seine, 304 p. (in Russian).
- Ignat'ev, I. (1967). Ego-futurizm. In: *Manifesty i programmy russkix futuristov* [The Russian Futurists' Manifests and Programs]. München : Wilhelm Fink Verlag, pp. 51–70. (in Russian).
- Lavrov, A. (1995). *Andrei Belyi v 1900-e gody* [Andrei Bely in the 1900s]. Moscow : NLO, 335 p. (in Russian).
- Lelevich, L. (1927). Izvilistaia doroga. In: Furmanov D. *Put' k bol'shevizmu* [The Way to Bolshevism]. Leningrad : Priboi, pp. 7–34. (in Russian).
- Malevich, K. (1995). *Sobranie sochinenii. V 5 tomakh*. [Collected Works in 5 Volumes]. Moscow : Gileia, vol. 1, 394 p. (in Russian).
- Stepnyak, S. (1893). *Podpol'naia Rossiia* [Underground Russia]. London : Izd-vo Fonda Russkoi Vol'noi Pressy, 189 p. (in Russian).
- Tvorchestvo V. M. Shukshina. Opyt entsiklopedicheskogo slovaria-spravochnika* [The Creative Activity of V. Shukshin. The Experience of Encyclopedic Reference] (1997). Barnaul : Izd-vo Altaiskogo gos. un-ta, 194 p. (in Russian).
- Khlebnikov, V. (1972). *Sobranie sochinenii. V 4 tomakh*. [Collected Works in 4 Volumes]. München : Wilhelm Fink Verlag, vol. 3, 539 p. (in Russian).
- Shukshin, V. (1984). *Ia prishel dat' vam voliu* [I came to set you free]. Moscow : Sovetskaia Rossiia, 397 p. (in Russian).
- Heller, L. (1996). Voyage au Pays de l'Anarchie. Un itinéraire: l'utopie. *Cahiers du monde russe*, XXXVII, p. 249–275. <https://doi.org/10.3406/cmr.1996.2460>
- Maricourt, T. (1990). *Histoire de la littérature libertaire en France*. Paris : Albin Michel, 491 p.
- Przybyszewski, S. (1897). *Auf den Wegen der Seele*. Berlin : Kritik-Verl., 61 S.
- Rosenthal, B. G. (1977a). The Transmutation of the Symbolist Ethos: Mystical Anarchism and the Revolution of 1905. *Slavic Review*, XXXVI, 4, December, pp. 608–627. <https://doi.org/10.2307/2495266>

Rosenthal, B. G. (1977a). Theatre as Church: The Vision of the Mystical Anarchists. *Russian History / Histoire russe*, vol. 4, no. 2, pp. 122–141. <https://doi.org/10.1163/187633177X00133>

Serge, V. (1965 [1930]). *L'An I de la révolution russe*. Paris : Éditions de Delphes, 511 p.

Suggested citation

Heller, L. (2019). Poeziia beskonvoia. Shukshin i traditsiia anarkhicheskoi literatury [Poetics of Being Free. Shukshin and the Tradition of “Anarchic” Literature]. *Pitannâ literaturoznavstva*, no. 100, pp. 7–24. (in Russian). <https://doi.org/10.31861/pytlit2019.100.007>

Стаття надійшла до редакції 26.08.2018 р.
Стаття прийнята до друку 24.08.2019 р.